

Барбара Мертиц

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Х
Р
А
М
Ы
Г
Р
О
Б
Н
И
Ц
Ы
И
Е
Р
О
Г
Л
И
Ф
Ы

Ц Е Н Т Р П О Д Л И Г Р А Ф

Барбара Мертц Древний Египет. Храмы, гробницы, иероглифы

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607255

Древний Египет. Храмы, гробницы, иероглифы: Центрполиграф;

Москва; 2007

ISBN 978-5-9524-3171-3

Аннотация

В книге известного специалиста по истории Древнего Египта сопоставлены официальные археологические отчеты и околону научные сплетни, легенды древней цивилизации и реальная жизнь людей далеких эпох, которая нередко оказывалась интереснее вымысла. Вы узнаете о жизни фараонов и цариц, художников и кудесников, чиновников и простолюдинов, а также получите представление о памятниках культуры, архитектуры и письменности. Яркий, живой язык повествования и прекрасные иллюстрации введут вас в мир древней цивилизации и дадут почувствовать загадочную атмосферу далекого прошлого.

Содержание

Предисловие	4
Исторический обзор	10
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Барбара Мертц

Древний Египет. Храмы, гробницы, иероглифы

Посвящается моим детям и их отцу

Предисловие

Мой любовный роман с Древним Египтом начался в далеком детстве, когда в местной библиотеке я впервые познакомилась с Джеймсом Генри Брэстедом, с его «Историей Египта». Любовь еще цветет, хотя с тех пор прошло много лет и много увлечений. Столь субъективное признание необходимо, я думаю, чтобы объяснить причину появления этой книги, а также чтобы оправдать другие замечания, которые появятся ниже. Порой серьезным египтологам могут показаться обидными мой фривольный тон или склонность к фантазиям. Фривольность, быть может, имеет место, но не стоит принимать ее за принижение египтологии вообще или некоторых ученых и их любимых теорий в частности. Мало академических предметов выигрывают от смертельно серьезно к ним отношения. Я, напротив, подозреваю, что большинство из них только выиграли бы от добродушного подтруни-

вания, особенно над самими собой. Если я позволяю себе посмеиваться над областью, которой сама служу, это должно быть подтверждением того факта, что я действую на основании общего принципа, а не из частного злопыхательства. Все это только шутки, яд не настоящий, здесь никого не хотят обидеть.

По справедливости, однако, надо предупредить читателя, что перед ним не исторический труд. Это скорее неформальные очерки египтологии – исследований всего древнеегипетского. Мой критерий отбора материала был очень простым: я включала все, что находила интересным. Поэтому вы познакомитесь – в неравных дозах – с официальными археологическими отчетами, со сплетнями, с историческим теоретизированием. Вы также познакомитесь – я надеюсь – с людьми. Внимание к личностям как-то вышло из моды в серьезной истории, хотя теперь тенденция, кажется, поворачивается в их пользу. Я придерживаюсь весьма традиционной точки зрения, считая, что события есть продукт взаимодействия человека и среды, но я верю, что форму событиям придает конкретный человек, который держит вожжи судьбы в данный момент времени. Поэтому я откровенно говорю о людях, когда имею возможность: по большей части о фараонах и царицах, но также о художниках, о кудесниках, даже о чиновниках.

Любая попытка оценить или даже просто описать характер исторического персонажа – дело трудное и весьма субъек-

активное; часто биограф невольно больше говорит о себе, чем о герое своего труда. В случае персонажей древней египетской истории практически невозможно – да просто невозможно – произвести что-нибудь, кроме спекуляций. Даже о внешних событиях наши сведения скудны и неполны, знание внутренних мотивов и влияний полностью отсутствует. Я пыталась указывать точки, где я оставляю твердую почву и уношусь в счастливый полет фантазии, но, несомненно, я отметила не все подобные случаи. Мое утешение в том, что такая же ошибка совершалась и совершается многими профессиональными историками.

Я часто размышляла над тем, почему столь многих людей привлекает археология. Некоторые мотивы, например притягательность спрятанных сокровищ, вполне очевидны, именно к этой стороне воображения обращается большинство популярных книг по археологии. Но в археологии и в истории вообще есть другой тип задач, который также привлекает широкую аудиторию – людей, которые любят загадки, головоломки и простые логические упражнения. Когда мы, будучи студентами, читаем учебник истории, нам преподносится ряд высказываний, которые мы с большим или меньшим безразличием принимаем за истину. Мы видим мастерски нарисованную на основании данных, взятых из десятков различных источников, связную картину событий, но мы не видим мастера и лишены возможности проследить за умственными процессами, посредством которых создается об-

щая картина. Проследивать эти процессы в деталях не только увлекательно, но и выгодно, ибо в конце мы ставим под вопрос источники некоторых высказываний и даже не соглашаемся с выводами, извлеченными из них. Здесь лежит желанная цель: вопрошающая мысль должна быть развита у любого читающего человека. Я пыталась указать некоторые источники и некоторые методы, которые мы применяем, чтобы получить то, что называется египетской историей. Многие из них шире, чем египтология, но видимы в ее контексте столь же ясно, сколь и в других.

Любая книга подобного рода, сжатая и упрощенная для технически неподготовленного читателя, включает проблемы с тем, что пришлось опустить. Для специалиста большинство пропусков будут болезненно очевидными. Ни один из переводов не является буквальным; они сжаты, приглажены и вообще изменены, чтобы их легче было читать. Я старалась сохранять *дух* оригинала. Переводы, несомненно, обязаны своей возможной ценностью профессорам, которые вдолбили в мою голову знание древнеегипетского, и я не колеблясь опиралась на переводы таких авторитетов, как Бр-эстед, Гардинер и Уилсон. Вопиющие ошибки объясняются моим упрямым отказом согласиться с превосходными переводами указанных экспертов. В одном случае я скопировала буквально перевод хорошо известного ученого: принадлежащая сэру Алану Гардинеру версия «Второй песни арфистки» кажется мне одним из самых прекрасных переводов древне-

го текста на английский. Я не могла улучшить его, поэтому просто позаимствовала и хотела бы поблагодарить сэра Алана за позволение использовать его в книге. Переводы неегипетских текстов были взяты из работы Гетце в превосходной книге Причарда «Древние ближневосточные тексты, касающиеся Ветхого Завета». Письма Амарны взяты из Брэстеда, я использовала его версии, выведенные из переводов немецкого ученого Винклера, предпочтя их более поздним изданиям из-за прекрасного литературного языка переводов. Библейские цитаты приведены по Библии короля Якова по аналогичной причине. (Мы даем их по русскому синодальному переводу Библии. – *Примеч. перев.*)

Я обязана столь многим людям, что, может быть, не смогу выразить всю свою благодарность здесь: еще раз сэру Алану за позволение процитировать письмо Редьярда Киплинга и за руководство и вдохновение, которые его долгие годы трудов в египтологии дали многим студентам, включая меня; д-ру Каролине Пек из Университета Брауна и д-ру Юргену фон Беккерату из Египтологического института в Мюнхене, Германия, за статьи и репринты; д-ру Зигфриду Хорну из Университета Эндрус за помощь на всех уровнях, включая чтение рукописи, – дружба не знает более истинного испытания; д-ру Джону А. Уилсону из Восточного института за ответы на специфические вопросы, в частности по поводу Асуанской плотины, и за неувядающий стимул, который дали его превосходные лекции по египетской истории. Г-н Жак Ван-

дье из Лувра и д-р Генри Фишер со своими сотрудниками из Метрополитен-музея много трудились над копиями фотографий для меня. Другие музеи и институты позволили мне использовать фотографии из их коллекций. Моя благодарность терпеливым друзьям и родственникам, которые слушали меня до тех пор, пока им не опротивел сам предмет археологии; моему агенту м-ру Терону Рейнсу, который поощрял работу над тем, что казалось только смутной возможностью; соседям и друзьям, особенно миссис Джордж Ратъенс, чья добровольная помощь дала мне свободные часы для этой работы; наконец, моей бедной семье, которая выносила все неудобства жизни с работающей женой и матерью с образцовым терпением.

Барбара Мертиц

Исторический обзор

До новой эры

Доисторический период – Около 4500–3110 гг.

Протодинастический (ранний династический, тинитский) *период* – 3110–2665 гг.

Династия I: Менес

Династия II: Перибсен, Хасехемуи

Древнее царство – 2664–2181 гг.

Династия III: от Джосера до Хуни

Династия IV: Снофру, Хуфу, Хафра, Менкаура

Династия V: от Усеркафа до Униса

Династия VI: Тети, Пепи I, Мернера, Пепи II

Первый переходный период – 2180–2134 гг.

Династии VII–VIII в Мемфисе

Династии IX–X в Гераклеополе: Ахтой и Мерикара

Среднее царство – 2134–1786 гг.

Династия XI: Интефы и Ментухотепы

Династия XII: Сенусерты и Аменемхеты

Второй переходный период – 1785–1571 гг.

Династия XIII в Фивах

Династия XIV в Ксоисе

Династии XV, XVI (?): гиксосы

Династия XVII в Фивах: Секненра, Камос

Новое царство (Империя) – 1570–1075 гг.

Династия XVIII: Тутмосы, Аменхотепы; Хатшепсут,

Эхнатон

Династия XIX: Сети I, Рамзес II, Мернептах

Династия XX: Рамзесы от III до XI

Поздний династический период – 1075—525 гг.

Династия XXI в Фивах и Танисе

Династия XXII («ливийская») в Танисе

Династия XXIII в Фивах

Династия XXIV: Тефнахт и Бокхорис, современна дина-

стии XXV

Династия XXV («эфиопская» или «кушитская»): Пианхи,

Тахарка

Династия XXVI, саисский период

Персидское завоевание – 525 г.

Династия XXVII, персидская – 525–404 гг.

Династии XXVIII–XXX, эфемерные египетские – 404–

341 гг.

Династия XXXI, вторая персидская – 341–333 гг.

Завоевание Египта Александром – 332 г.

Александр и Птолемеи – 332—30 гг.

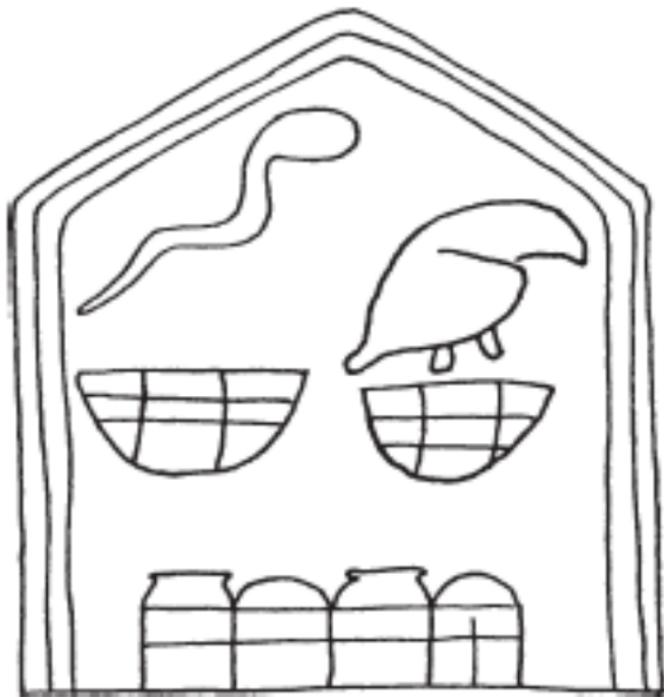
Римский период – 30 г. до н. э. – 324 г. н. э.

Византийский, или коптский, период – 324–640 гг. н. э.

Арабское завоевание – 640 г. н. э.

Глава 1

Две земли

Имя и титул царя Менеса

1. ДЖЕБ-ОХОТНИК

Однажды, ясным летним утром 5263 г. до н. э., высоко на

скальном уступе, поднимающемся над долиной Нила, стоял человек. Он был довольно хрупкого сложения и всего пяти с половиной футов ростом (165 см), его смуглое тело было голым, если не считать юбки из дубленой кожи. Но держался он гордо, ибо занимал высокое место среди своего народа и был вождем. Люди, которых он вел, толпились вокруг него; женщины робко выглядывали из-под гривы черных волос, успокаивая младенцев на руках, мужчины сжимали оружие – луки, стрелы, каменные топоры. Горячий ветер дул сзади, они повернулись к пустыне спиной. Когда-то она не была пустыней. Когда-то, во времена предков, там были и вода, и растительность, и животные, годные для охоты. Теперь бог отвратил лицо свое от их отчизны. И теперь они глядели горящими жадными глазами на новую землю внизу, зеленую полосу жизни, что прорезала окружающую пустыню. Острый взор вождя заметил блеск воды и мелькание птичьих крыльев, острый слух охотника уловил дальний рык гиппопотама. Пища внизу была, и все же вождь колебался. Он знал старую жизнь со всеми ее опасностями. Мог ли он противостоять ледящим угрозам неизвестности и, не сознавая своей судьбы, сделать первый шаг к Великим пирамидам?

К несчастью, этот картинный эпизод принадлежит скорее литературе, чем истории. Однако некоторые детали могут быть подлинными. Первые доисторические поселения в Египте датируются приблизительно 5000 г. до н. э., но даже чудодейственный радиоуглерод не может дать нам столь точ-

ной даты, как указанная выше. В какой-то момент в отдаленном прошлом человек спустился с плато, ставшего необитаемой пустыней, в долину Нила; он мог выглядеть примерно как вождь племени, которого в историческом романе окрестили бы Джебом, или Абом, или каким-нибудь столь же доисторическим и односложным именем. Но маловероятно, чтобы Джеб имел ощущение судьбы. Он искал для жизни места получше и понятия не имел о том, что изменение среды обитания должно драматически изменить образ жизни его народа.

Нужно признать, что в признаках великих перемен нет ничего драматичного, когда смотришь на них в пыльных музейных витринах: кремневые ножи и наконечники для стрел, не слишком отличающиеся от грубых инструментов всех первобытных народов, ветхие остатки плетеных корзин, в которых когда-то хранили зерно; кости собаки, похожие на кости любого дикого животного. Однако переход от кочевой охоты к оседлому земледелию более важен, чем пирамиды, и более увлекателен по своим последствиям, чем золото Тутанхамона. Мы находимся здесь в самом начале длинной и важной главы в великой книге истории человечества. Переворачивая страницы, мы встретим царей и завоевателей, поэтов и изобретателей. Мы вызовем видения сокровищ, несравнимых с самыми фантастическими выдумками сказочников, познакомимся с темными сторонами человеческого духа и с его ярчайшими триумфами. Однако никогда,

быть может, мы не увидим снова, как человеческое существо делает такой гигантский шаг – первый шаг, как он ни мало известен и плохо описан.

Ученые обычно помещают первую революцию в образе жизни человека между палеолитом и неолитом. Эти термины, обозначающие древний каменный век и новый каменный век, были введены в оборот, чтобы описать изменения в технике обработки каменных орудий: люди неолитической эры свои инструменты и орудия полировали. Но новый метод полировки камня – наименее важное из различий между двумя периодами. Бродячие охотники древнего каменного века стали неолитическими земледельцами и пастухами; а постоянное место жительства племени – это уже обработка земли и одомашненные животные. Естественно, столь громадные перемены произошли не в один день. Долгие столетия были заняты переходом от охотничьей орды к первой земледельческой общине. В Египте, в отличие от других регионов Ближнего Востока, переходный период отсутствует вообще. Не считая некоторых кремневых орудий, оставленных древними охотниками на краю пустыни, наши сведения о Египте начинаются с остатков уже развитой деревенской жизни. Данные о старейшей додинастической культуре Египта мы черпаем из «хозяйственных отбросов» – археологический эвфемизм, означающий помойки. Доисторическим эквивалентом пивных банок и арбузных корок являются кости рыб и зверей, изношенные кремневые инструменты,

осколки керамической посуды. Близ этих древних мусорных куч должны были находиться какие-то поселения, хотя вряд ли можно почтить их названием деревень; дома были, вероятно, грубыми шалашами из тростника и прутьев. Позднее – не намного позднее по археологическому счету – деревни стали изящнее.

Нужно иметь действительно хорошо развитое воображение, чтобы увидеть что-то изящное в первых деревенских культурах. Жизнь была не слишком роскошной. Дома представляли собой жалкие хижины из глины и прутьев и состояли из единственной темной комнаты, лишенной пола и вентиляции, за исключением дыры для дыма в крыше. Тела мертвых клали в неглубокие ямы в песке, едва прикрытые соломенными матами или шкурами. Но в вещах, похороненных вместе с ними, видно стремление человеческого духа к бессмертию. Люди могли лишь постулировать продолжение жизни, которую они знали; так, охотника хоронили с его копьем, женщину – с ее бусами (суета сует!), и среди жалких косточек ребенка мы находим прах любимой игрушки.

Скелеты и сопровождающие их предметы могут говорить с нами, иногда удивительно ясно. Немые камни и обожженная глина тоже способны многое сказать тем, кто умеет слушать. От тех отдаленных времен, когда еще не занялась заря истории, осталось так мало, что археологам пришлось разрабатывать изощренные методы извлечения максимума информации из каждого найденного осколочка. Они опирают-

ся на знания многих квалифицированных специалистов – биологов, которые могут идентифицировать виды по обглоданным костям в кухонных отбросах; палеоботаников, определяющих зернышки, оставленные на дне корзины неаккуратной древней домохозяйкой. (Кстати, вопреки некоторым сенсационным сообщениям ни одно из «мумифицированных зерен», найденных в Египте, ни разу не произвело живого растения; есть предел консервирующим свойствам даже египетской почвы.)

Большинство археологических свидетельств о доисторическом Египте пришло из захоронений. На основании этих скудных останков археологи определили ряд додинастических культур. Они взаимосвязаны, но каждая имеет свой типичный ансамбль (коллекцию предметов, произведенных и использованных носителями данной культуры). В доисторический период такой ансамбль может включать кремневое оружие, бусы и амулеты, посуду из глины или из камня.

Я никогда не могла решить, что скучнее, кремни или керамика, но я прекрасно помню ужасающую пустоту в мозгах, когда во время экзамена меня просили определить черепки керамики. Вероятно, это свидетельствует о неразвитости моего воображения, ибо керамика – один из самых полезных инструментов археолога. Сама по себе она не имеет ценности, поэтому, когда керамический сосуд бьется, люди его выбрасывают, а грабители могил презрительно морщатся, пренебрегая. По этой причине керамика является бесценным

ключом к хронологии, поскольку ее редко переносят с того места, где ее выбросили. Хотя горшок можно разбить, его фрагменты практически неразрушимы. Но справедливость требует отметить, что никто не додумался до важных последствий исследования черепков, пока о них не начал размышлять сэр Уильям Флиндерс Питри.

Мы не случайно называем первым имя Питри, ибо он был поистине громадной фигурой в египтологии. Некоторые ученые называют его отцом научной археологии (лично я по некоторым причинам предпочитаю говорить о критической археологии). Простое перечисление достижений Питри в области методики раскопок заняло бы много страниц, но даже его технические прорывы не столь важны, как его подход, строго логичный и безукоризненно точный. Новый подход Питри придумал сам, его никто не учил, ибо, как он замечает вскользь, вокруг не было никого, у кого можно было бы научиться. Он прибыл в Египет тогда, когда Анри Масперо, преданный своему делу директор Каирского музея древностей, начал настаивать на соблюдении правил и научных методов, разрушая веселый азарт открытого для всех грабежа и безответственного разрушения. Но Питри, который вел с местными и иностранными грабителями открытую войну, не слишком ценил Масперо. Питри имел чудесный дар обличителя; его убийственные комментарии по поводу неэффективности и жульничества высказывались с особой научной элегантностью, которая только придавала им силу.

В своей автобиографии Питри обрушился на других археологов, на Каирский музей, Масперо, на французов вообще и многих египтян в частности. Можно предположить, что именно Питри, а не остальной мир шагал не в ногу. Это так и было, но лишь потому, что он открывал парад и его современники еще не поняли точности и изощренности установленных им методов. Очень редко страстные обвинения Питри вызывались личными мотивами; люди, которых он ругает последними словами, из-за глупости или корысти губили его драгоценные древности. Он любил большинство египтян, с которыми работал, и завоевал их любовь и лояльность настолько, что люди, которых он обучил технике раскопок, жители деревни Куфт, много лет снабжали археологические экспедиции надсмотрщиками и землекопами.

В характере Питри была черта, которая удивляет нас даже больше, чем его фанатическая страсть к деталям. Это его фантастическая энергия. Он носился по Египту, от Дельты до порогов Нубии, как мифологический дракон, глотая сырой материал и извергая его в форме аккуратных томиков с каталогами костей, камней, бус и горшков. Реальным доказательством его гения стали истории, которые начали скапливаться вокруг него, как вокруг рассеянных ученых в других дисциплинах, из-за страсти к работе не обращавших внимания на несущественные потребности повседневной жизни. Питри сам со вкусом рассказывал, как он работал голым в душных коридорах пирамид, «словно японский плотник,

одетый только в очки, с той разницей, что я не нуждаюсь в очках». Ему ничего не стоило пройти 10–20 миль через пустыню, чтобы получить недельную плату для своих рабочих; на раскопках в Палестине ему и его помощникам пришлось черпать из колодца питьевую воду, по цвету и консистенции напоминавшую густой гороховый суп. Тем лучше, небрежно замечал Питри, они сразу получали воду, овощи и мясо.

Работалось с ним, очевидно, нелегко. Особенно трудно было приноровиться к его привычкам в еде, а студентам приходилось делать это. В гробнице на плоском камне, служившем обеденным столом экспедиции, выставлялся ряд консервных банок и консервный нож. Когда Питри заканчивал обедать, он передавал следующему то, что оставалось в банке. Говорят, что у двоих его студентов случился роман, пока они ухаживали друг за другом при одновременном пищевом отравлении.

Я повторяю эти рассказы, не испытывая угрызений совести, поскольку, по моему мнению, они скорее возвышают, чем принижают фигуру великого ученого. Большинство крупных вкладов в сумму знаний внесли люди, которым было о чем думать, кроме количества соли в супе.

Среди многих достижений Питри была классификация доисторических египетских культур. Он не имел письменных материалов, у него не было даже самого основного хронологического инструмента археолога – стратифицированного разреза. В Египте такие разрезы встречаются редко, хо-

тя обычны в других частях Ближнего Востока, где являются лучшим источником относительной хронологии. Лучшие образцы находятся между Тигром и Евфратом, в бывшем Вавилонском царстве. Здесь встречаются крутые холмы, или *телли*, которым приписывалось искусственное происхождение еще до того, как археологи начали их раскапывать. Телли – это бывшие города, люди постоянно жили здесь в течение столетий. Самое раннее селение строилось на уровне земли. Когда оно разрушалось – в силу естественного упадка или в результате военного конфликта, – новые поселенцы разравнивали обломки и строили новые дома на этом приподнятом участке. Столетиями город поднимался все выше и выше, мирно опираясь на руины, оставленные предшественниками. Поэтому, когда археолог раскапывает такой холм, он может спокойно допустить, что город на самом верху этой мусорной кучи является последним по времени, а остатки в самом нижнем слое – самые ранние. Отсюда археолог может вывести «плавающую» хронологию, которая дает последовательность различных культур, но не их абсолютную датировку. Он может пронумеровать эти культуры снизу вверх или сверху вниз или назвать их по буквам алфавита; лично мне хотелось бы, чтобы он договорился с коллегами о каком-нибудь едином подходе. А то если холм имеет девять уровней, третий уровень сверху может именоваться Асмар III, Асмар VI или Асмар С. Чтобы дать «плавающей» хронологии абсолютную датировку, археолог должен иметь хотя

бы один предмет, который можно датировать либо по надписи на нем, либо путем сравнения с другой культурой, где абсолютная хронология уже имеется.

У Питри не было ни таких разрезов, ни справочников для сравнений. Пионеру приходится писать книги самому. У него были только могилы – сотни могил, не имеющих видимого отношения ни друг к другу, ни к чему-либо еще. Могилы эти – всего лишь ямы в песке с некоторым набором предметов. Общее в них – присутствие костей и керамики. Однако Питри посмел задать себе вопрос: нельзя ли расположить эти ямы в песке во временной последовательности? То, что он задал подобный вопрос, является подтверждением его таланта; но то, что он смог ответить на него, кажется доказательством гениальности.

Кости не выглядели многообещающими, поэтому Питри обратился к горшкам. Горшков было много, но, что самое важное, не все они были одинаковы. В дополнение к тем качествам, которые мы назвали, керамика имеет еще одно свойство. Она подвержена диктату моды, она меняется.

Горшки Питри с волнистыми ручками

Слева направо – от ранних к позднейшим формам – показано вырождение ручек

Отобрав примерно 700 могил, Питри, начинавший карьеру как статистик, заполнил по каждой могиле специальный бланк. Бланк был разграфлен на столбцы, по одному на каждый тип посуды, найденной в данной могиле. Столбцы же были разделены по внешнему виду на ряд общих категорий: красная лощеная посуда, посуда с черным верхом, неглазурованная посуда и т. д. За начальную точку Питри взял посуду с волнистыми ручками. Подобные горшки происходили из-за рубежа; мы можем проследить их развитие из примитивных образцов, найденных в Палестине, но в Египте они появляются уже полностью сформированными. Волны – это бороздки, впрессованные в полочки-ручки пальцами гончара, с их помощью было удобнее держать и переносить сосуд.

На ранней стадии эти горшки шарообразны, с хорошо выраженными ручками и волнистостью. Позже они «худеют», ручки делаются менее заметными. На последней стадии горшок с волнистыми ручками представляет собой высокий цилиндр с простым волнистым рисунком – остатком первоначальных ручек в верхней части.

Определяя эти стадии, Питри сделал одно допущение – что со временем черты данного типа керамики перерождались из функциональных в чисто декоративные. Допущение было подкреплено изменением содержимого горшков. Вна-

чале они содержали ароматические притирания, прикрытые тонким слоем глины. Потом притирания заменила ароматизированная глина. Последними были горшки, содержавшие простую твердую глину. Здесь понятие вырождения более очевидно, и это плохо характеризует додинастических египтян. Когда родственники покойного стали более изощренными и расчетливыми, они решили, что, в то время как они могли спокойно использовать драгоценные притирания сами, их полезность для мертвеца была весьма сомнительной. Бедный труп, в сущности, не обжудливали. Его нужды удовлетворялись с помощью магии – соответствующие заклинания могли обратить глину в призрачные притирания. В более поздние периоды этот процесс магической подмены достиг логической кульминации: мертвые снабжались для будущей жизни моделями или даже картинками вещей, которые им могли понадобиться.

Установив ранние и поздние типы этого класса керамики, который он назвал W-классом, Питри получил начало хронологического ряда. Теперь необходимо было привязать к нему другие керамические классы, найденные с горшками с волнистыми ручками. В некоторых из могил, содержавших эти последние, встречалась также керамика, которую Питри обозначил буквой L (от английского *late* – поздние), поскольку ею продолжали пользоваться и в исторические времена. Это дало ему отправную точку, ибо образцы типа L, которые встречались в могилах царей I династии, могли быть дати-

рованы. В целом Питри работал с девятью классами доисторической керамики. Кроме классов L и W, он выделил красную группу с черным верхом В, красную лощеную группу Р, грубую керамику R и другие. Не все могилы содержали все девять классов керамики, но в каждой было минимум два класса. Если могила имела не более одного класса, она была бесполезна для сравнительного метода и Питри не включал ее в свой корпус образцов.

Через корреляцию с посудой с волнистыми ручками Питри смог разработать структуры рядов для других классов керамики. Разумеется, хронологическое развитие различных классов должно было быть совместимым. Допустим, например, что подтипы 9–12 керамики с волнистыми ручками постоянно обнаруживаются вместе с подтипами 1–3 красной лощеной керамики. Тогда подтипы 4–6 красной лощеной керамики не могут совмещаться с более ранними подтипами керамики с волнистыми ручками – подтипами 1–9. Если они все же совмещаются, тогда что-то неладно с внутренними подразделениями этого класса, или другого, или обоих. Это очень упрощенный пример проверки, которую Питри пришлось провести на 9 различных классах керамики и 700 раскопанных могилах. Логические процессы в такой работе не особенно глубоки, но охват материала настолько широк, что голова кружится при одной мысли об этом.

Однако именно в решении такого рода задач Питри превосходил всех; как регистратор бесчисленных деталей он не

имел себе равных среди археологов. Он дал номера всем подтипам в своих 9 классах и написал номера на своих индексированных бланках, по одному бланку на каждую могилу. Выразив свою керамику математическими символами, Питри мог уже тасовать не черепки, а бумажные карточки, и мы можем представить его себе склонившимся над огромным столом, усеянным плодами своей интеллектуальной победы – семью сотнями индексированных карточек, или бегающим вокруг стола, чтобы найти нужное место для той или иной карточки, и наслаждающимся при виде особенно совместимого сочетания карточек, как гурман при виде обеденного стола из семи (или семисот) блюд.

В конечном итоге Питри получил ряд групп могил, в которых керамика формировала совместимые и логичные структуры. Во времени классы керамики, естественно, перекрывали друг друга; одна категория могла пребывать на последних стадиях развития, тогда как другая еще не выступила на сцену, а самый древний класс мог полностью исчезнуть, прежде чем самый поздний появился. Однако взаимное перекрывание классов составляло континуум, и нигде не возникало пункта, в котором сравнительный метод, включающий, как минимум, два типа, нельзя было бы применить. Питри построил свои разбросанные могилы в ряд; номера, которые он присвоил их группам, были названы «датами ряда», ибо они не имели связи с годами до н. э. Было установлено 50 номеров, от 30-го до 80-го; типично для Питри, что он

оставил место для будущих открытий, которые могли предшествовать по времени его самым ранним могилам.

Питри разработал рамки, в которые вновь открытые могилы могли быть помещены путем простого сравнения типов керамики. Тогда еще не существовало способа датировать доисторические объекты по абсолютному возрасту, этот способ появился только с разработкой радиоуглеродного метода. Однако рамки давали сравнительную хронологию, и ее можно было разбить на более широкие подразделения. Некоторые группы могил и «датированных рядов» формировали некое целое, поскольку имели между собой достаточно общего, чтобы их можно было назвать отдельными культурами. Культуры различались не только керамикой, но и каменными орудиями, оружием, украшениями, костями и т. п. В дополнение к могилам мы имеем остатки доисторических поселений; объекты, найденные здесь, образуют внутренне взаимосвязанные скопления и могут быть чрезвычайно полезны в определении культур. В Египте встречается множество таких доисторических поселений, настолько древних, что строители пирамид в Гизе (4500 лет назад) забыли об их существовании.

Открытие, сделанное в одном из таких мест в 1925 г., вывело работу Питри из области чистой теории. Мисс Гертруда Кэтон-Томпсон, работая в Хемимие, раскопала стратифицированное поселение, и там были найдены доисторические культуры Питри, и в той последовательности, которую

он постулировал. Ниже самой ранней известной ему культуры Кэтон-Томпсон нашла еще более раннюю, которой были приписаны даты исходя из пустых номеров, оставленных великим первооткрывателем как раз для такого случая.

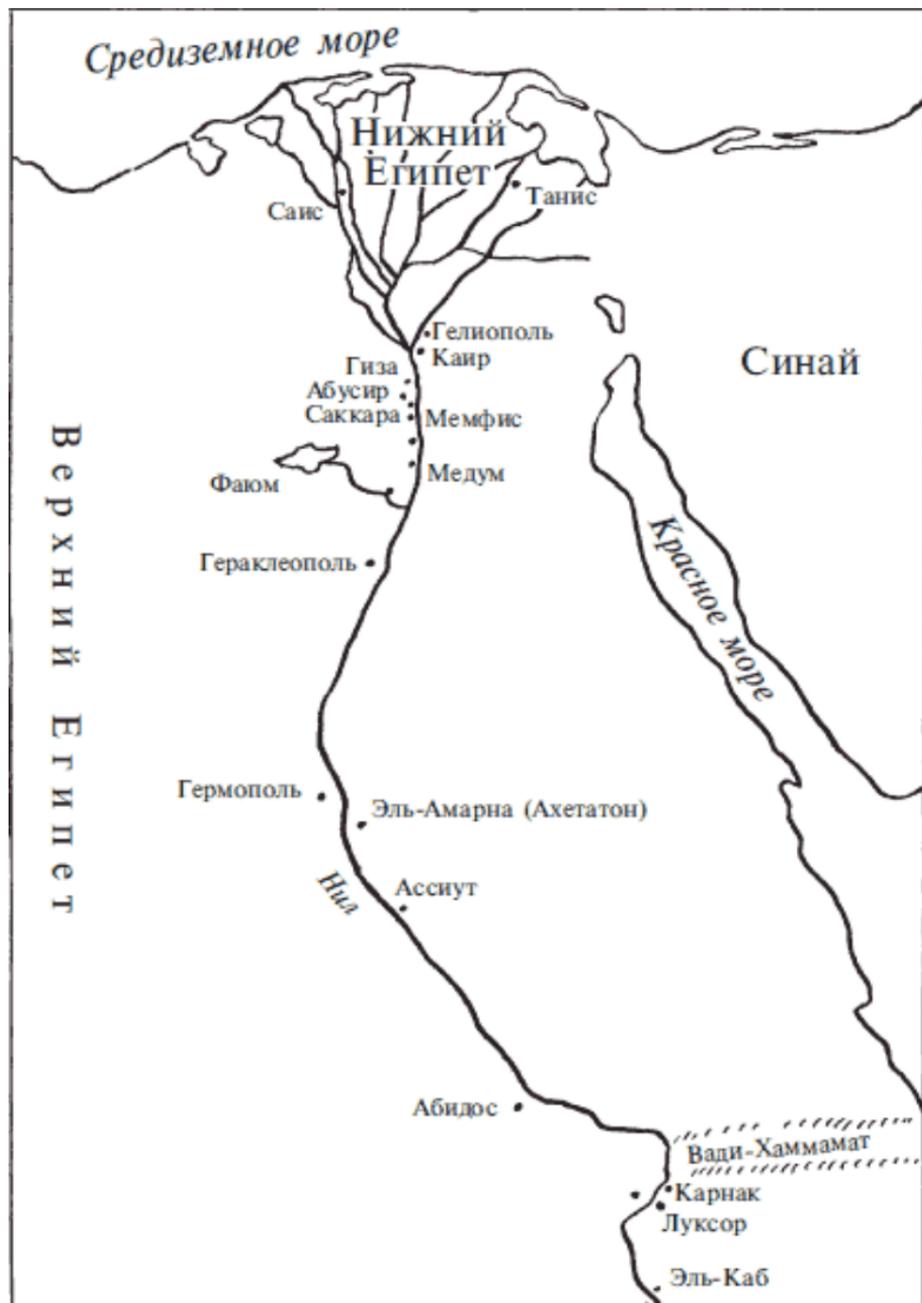
Благодаря трудам множества таких преданных делу ученых, как Питри и Кэтон-Томпсон, мы имеем теперь общую картину додинастической жизни в Древнем Египте, но картину очень разрозненную и неполную. Возникло, однако, одно очень интересное обобщение, состоящее в том, что существуют четко выраженные различия между культурами двух главных географических регионов собственно Египта – Верхним Египтом и Нижним Египтом. Чтобы усвоить эту терминологию, читатель должен привыкнуть к некоей алогичности: Верхний Египет – это долина Нила от Каира к югу, а Нижний Египет – это Дельта (так эту часть страны называли греки). Алогичность иллюзорна; она возникает из-за того, что Нил течет с юга на север и регион, расположенный ближе к истокам, является верхним относительно течения реки. Поскольку Дельта на современных картах расположена наверху и река висит вниз, как хвост, большинство людей испытывают трудности в различении Верхнего и Нижнего Египта. Я их не осуждаю. Прошли годы, прежде чем я перестала делать сознательное внутреннее усилие, припоминая, где находится Верхний Египет. Но я могу им только посочувствовать, ибо эти названия часто используются археологами и изменить их уже нельзя.

Верхний Египет – это фантастическая страна в 500 миль длины и примерно в 5 миль ширины. По обоим берегам Нила идет узкая полоса плодородного чернозема, окаймленная песками и крутыми уступами пустынного плато, через которое река с незапамятных времен прорезала и углубляла свое русло. Граница между живой и мертвой землей прочерчена резко – можно стоять одной ногой на песке, а другой на зеленеющем поле. Древние египтяне прекрасно сознавали разницу между «черной землей» и бесплодной «красной землей», и эти два термина часто употреблялись ими. Черная земля была драгоценна, ее берегли. Храмы, дворцы и города строились на бесплодном песке, который лежал между плодородной полосой и скальным барьером, так что не терялось ни дюйма культивированной почвы. Две узкие ленты черной земли по обоим берегам реки всегда кормили непропорционально большое население, если принять в расчет размеры обрабатываемой площади. Это было возможно благодаря неиссякаемому плодородию почвы, возникшему в результате уникального явления – ежегодного удобрения почв при разливе реки. Другие реки тоже выполняют эту работу, но никогда с такой регулярностью, как Нил; разлив Нила настолько предсказуем, что древние египтяне называли наводнением один из сезонов года, ибо в течение этих месяцев земля находится под водой, впитывая питательные вещества, которые река несет на север.

Идея автоматической ирригации звучит для крестьянина

райской музыкой, но осуществить ее не так легко, как кажется. Высота подъема реки редко бывает одинаковой, и разница в несколько дюймов может означать разницу между голодом и процветанием.

Когда Нил приближается к Средиземному морю, он разбивается на несколько рукавов, русла которых образуют обширную речную дельту. В древние времена эта земля была болотом, заросшим тростником и папирусом, полным птиц и зверей. Здесь не было нужды в ирригации и затоплении; напротив, воды было слишком много.

Некоторые ученые утверждают, что контраст между Дельтой и речной долиной ощущался не только в физических, но и в психологических аспектах. Дельта граничит с морем – древней столбовой дорогой купцов и завоевателей; долина была изолирована с обеих сторон дикими пустынями и еще более дикими народами. Дельта контактировала с молодыми цивилизациями Плодородного Полумесяца; долина знала только нубийских варваров и кочевые племена пустыни.

Тогда должно казаться логичным, что Дельта развилась раньше и быстрее, чем Юг. Возможно, это и так, но мы не можем этого доказать. Материал, который уцелел в сухом горячем воздухе Верхнего Египта, сгнил в болотах Дельты. Этот факт влияет на археологические знания двояким образом: в Нижнем Египте не только было найдено меньше материала, но и меньше проведено раскопок. Тяжело вести раскопки в регионе, где вам приходится работать по колено в воде и в награду за ваши усилия получать лишь комки сгнившего материала. Неудивительно, что археологи предпочитают дышать пустынным воздухом юга, который сохраняет даже такие хрупкие вещи, как ткани и раскрашенные рельефы.

Однако нам нужно знать гораздо больше о районе Дельты, прежде чем мы сможем построить связную теорию, отвечающую на вопрос, где началась в Египте доисторическая культура. Проблема стала более острой в связи со строительством Асуанской плотины. Было поднято много шума по поводу судьбы памятников Нубии к югу от плотины, но суще-

ствуует опасная возможность, что повышение общего уровня водяного зеркала затронет и монументы к северу от плотины и может со временем сделать недоступной для раскопок большую часть Дельты.

В нынешней ситуации нам остается только доносить друг друга неубедительными теориями. Море – Великий зеленый простор, как называли его египтяне, – может быть дорогой к контактам между народами, но может быть и барьером между ними. На остров вторгнуться трудно, и в некотором смысле весь Египет был островным обществом. Море защищало его с севера, негостеприимные пустыни препятствовали вторжениям с обоих боков. Завоевание с юга было также маловероятным из-за характера реки выше Египта. От Асуана к северу, вплоть до Средиземного моря, Нил удобен для плавания, но как раз южнее Асуана лежит район порогов, русло полно скал и водопадов, делающих проход судов трудным и опасным. Двигаясь по реке дальше на юг, мы встречаем еще пять порогов, шестой близ Хартума, и некоторые из них еще более опасны, чем первый. И даже этот первый порог был в течение многих лет южной границей Древнего Египта.

Барьеры из воды и песка отпугивали не только захватчиков. Они препятствовали, например, торговле и проникновению новых идей. Одна из теорий, касающихся зарождения исторического Египта (помня о том, что культуры долины Нила кажутся более развитыми, чем культуры Дельты), утверждает, что развитие Египта началось именно в долине

Нила. Если древнеегипетская цивилизация и обязана чем-нибудь внешним стимулам, эти стимулы могли переноситься через Красное море, а далее – хорошо известным караванным путем, который ведет от моря к району Фив. До сих пор раскопки здесь не выявили каких-либо физических подтверждений такого контакта. Это может объясняться случайными неудачами раскопок, но может и что-то значить; ведь негативное свидетельство – обоюдоострое оружие, которое в споре возможно повернуть против любой из сторон.

Древнейшая из додинастических культур Египта известна теперь под названием Фаюм А, в Нижнем Египте (на севере, не забудьте). По современным стандартам это суровое первобытное общество – ни металлов, ни, возможно, даже одомашненных животных. Однако эти люди шагнули к неолитической стадии культуры; они выращивали урожай и убирали его с помощью серпов, сделанных из дерева и острых кремней, они лепили из глины посуду и имели оружие (которое само по себе не означает ничего, кроме присутствия человека – воющего животного). Другие культуры Нижнего Египта называются Меримде и Маади, они моложе, чем Фаюм А, о чем мы можем судить по большей сложности остатков, но их взаимосвязи не слишком ясны.

Наши знания о Верхнем Египте отличаются большей полнотой, хотя вряд ли их можно назвать удовлетворительными. Вероятно, самая ранняя из культур, найденных на юге, – это тасийская; она более развита, чем Фаюм А на севере, но еще

очень примитивна. За ней следует бадарийская культура, открытая Кэтон-Томпсон ниже рядов Питри; это, возможно, прямая наследница тасийской культуры. После бадарийской появляется амратская, а затем герзейская.

Все эти культуры названы по названиям мест, где они были впервые раскопаны. Освященный временем и крайне путаный метод, как знает, к своему сожалению, каждый, кто знаком с Ориньяками и Леваллуа европейской предыстории. Путаница еще увеличивается, когда археологи начинают менять названия. Питри назвал две свои культуры – Негада I и Негада II, но археологи теперь предпочитают другие названия – амратская и герзейская.

Герзейская – это последняя доисторическая культура перед началом правления I династии; если вы столкнетесь с культурой, названной семенийской, помните, что теперь, как правило, считают, что это поздняя или специализированная форма герзейской культуры. Быть может, самое полезное замечание, которое можно сделать о культурах Верхнего Египта, включая герзейскую, состоит в том, что они связаны друг с другом не только хронологически, но и каузально; каждая из них имеет вещи, общие со следующей культурой. Вообще, чем ближе к I династии, тем более сложным становится общество – более цивилизованным, говоря современным языком. Однако по традиции зарождение цивилизации в Египте относят к историческому времени, к началу I династии. Мы осторожно, на цыпочках, обойдем острые края этой про-

блемы, которая отчасти является проблемой терминологии – ученые не так уж точны в определении понятий культура и цивилизация. Оба слова иногда используются как взаимозаменяемые, но не все культуры являются цивилизациями. Слово цивилизация можно использовать специфически, как в выражениях «египетская цивилизация» или «китайская цивилизация», но можно использовать и как абстрактный термин для описания состояния дел, противоположно варварству. Недостаток точности достоин сожаления; однако мы можем отчасти избежать путаницы, ограничив себя последним из двух значений. Мы говорили о доисторических или додинастических культурах. Герзейская, амратская и остальные не есть цивилизации и не есть цивилизация. На каком же этапе культура приобретает черты, позволяющие нам считать ее цивилизацией? И что, возможно, еще важнее – начиная с какого этапа она приобретает такие черты?

2. ТЕЛЕГА ИЛИ ГОРА

После феноменального скачка от кочевой жизни к оседлой доисторические культуры довольно безмятежно прозябали еще несколько тысяч лет. Затем произошло нечто странное.

Ученые, занятые наиболее широкими проблемами истории, склонны к антропоморфизму при сравнении культур между собой. Человечков, представляющих цивилизации,

можно нарисовать поднимающимися по лестнице или горному склону, продвигающимися все выше на своем пути – куда? Конечную цель трудно определить. Но если продолжать аналогию, мы можем сказать, что цивилизационный процесс гораздо больше напоминает колесный экипаж, который движется по склону вниз, сперва медленно, затем тяжело набирая скорость, пока не выкатится на плоскую равнину внизу. Инерция уносит его на некоторое расстояние с такой большой скоростью, что ускорение как будто сохраняется. Но постепенно тяжелый экипаж замедляет ход и наконец останавливается. Там он и остается, в состоянии покоя, пока некая неизвестная сила не начинает подталкивать его к другому склону.

Конечно, мы вправе сравнивать цивилизацию с телегой не более, чем с человечком, карабкающимся в гору. Но аналогии бывают занятны, а эта дает нам мысленную картинку, которая может оказаться полезной. Ибо в течение позднего периода, который мы называем герзейским, что-то дало египетской доисторической культуре мощный толчок. Картина общества, которую мы видим, сильно отличается от более ранних культур. Люди начинают жить в домах с окнами и дверями и носить одежду, сотканную из хлопка. Каменные орудия изящны, даже на взгляд наблюдателя, которому они смертельно надоели, и медь все чаще используется для изготовления вещей, которые делались из камня. Могилы глубже и лучше обустроены, иногда облицованы деревянными

планками. Борьба за существование становится менее изнурительной, и у людей остается больше времени на непродуцированную деятельность; они играют в игры и рисуют картинки на своих горшках. Старая коричневая и красная керамика сохраняется, но появляется посуда, сделанная из глины нового типа и украшенная причудливыми фигурками из черточек, изображающими людей, животных, лодки. Лодки снабжены украшениями, знаменами или символами мелких политических единиц; мы допускаем, что в этот период Египет состоял из множества общин во главе с местными вождями. Изменения эти поразительны, но не так поразительны, как те, которые должны вскоре произойти. Мы уже очень близки к I династии – к началу собственно истории и собственно цивилизации. Мы хотим знать не только о том, что случилось, но и о том, почему это случилось.

Однако вернемся к телеге на склоне горы. Мы можем продолжить аналогию и спросить: ползет ли телега (проигнорируем факт, что ни телега, ни культура не могут ползти) сама по себе до тех пор, пока под колесами не начнется уклон, или кто-то подкрадывается сзади и дает ей толчок? Или, выражаясь иначе, возникает ли цивилизация из примитивной культуры естественным путем, поскольку эта культура путем медленных приращений достигает критической стадии развития, или некий внешний стимул работает как катализатор?

Можно спорить о том, что именно отличает цивилизацию от примитивной культуры, и даже о том, можно ли

вообще провести между ними четкую границу. Но мы не будем делать это. Предположим просто, что в большинстве групп, называемых цивилизациями, мы находим некоторые новые элементы: монументальную архитектуру, письменность, централизованное правление и разделение труда, приводящее к образованию социальных классов. Если мы подумаем об этих элементах, то увидим, что каждый из них подразумевает наличие в данном обществе большего числа вещей, чем заметно на первый взгляд. Монументальная архитектура, например, требует развитых технических приемов подготовки строительных материалов и некоторого понимания базовых принципов архитектуры и механики; она предполагает также, что государство может позволить себе отвлечь некоторых своих членов от основного производства продовольствия и включить в строительные бригады; кроме того, она подразумевает, что в государстве есть элитная группа, имеющая власть инициировать строительство и надзирать за ним.

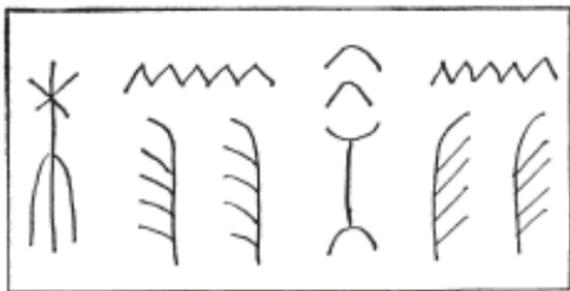
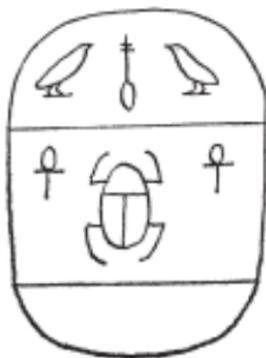
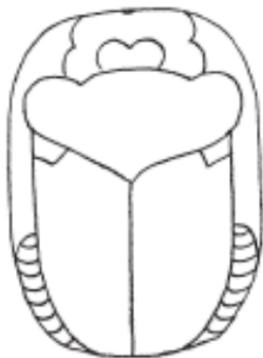
Если мы не верим в пришельцев с Марса или сверхлюдей из пропавшей Атлантиды, то должны прийти к выводу, что где-то существовало некое общество, которое первым открыло различные компоненты цивилизации. Распространялась ли идея из первоначального центра на другие общества или она возникала в каждой из цивилизаций независимо? Если это произошло только однажды, где находилась колыбель цивилизаций?

Проблема диффузии и независимого творчества до сих пор дебатруется в ученых кругах, но долгое время именно Египет давал наилучший ответ на второй вопрос. Однако недавно египтологам пришлось сдать свою гордую позицию, ибо шумеры, по-видимому, опередили египтян. Шумерская цивилизация не только оказалась старше, но выяснилось, что египтяне, возможно, украли всю идею у своих соседей.

На первый взгляд это может показаться неубедительным. Две культуры кажутся такими непохожими – глиняные зиккураты Месопотамии и каменные пирамиды, изящное рисуночное письмо египтян и клинопись, похожая на следы птичьих лапок. Однако наличие признаков месопотамского влияния в Египте в самом конце додинастического периода неоспоримо. Они появляются в долине Нила внезапно и полностью сформированными, тогда как в Месопотамии мы можем по стадиям проследить их развитие. Это всегда является верным признаком культурного заимствования, и заимствованные элементы определенно не египетские. Цилиндрические печати типичны для Месопотамии и нетипичны для Египта, но в поздних додинастических могилах мы находим цилиндрические печати. Строительного камня мало на плоских равнинах Двуречья, и жители региона строят здания из кирпича; самые ранние монументальные сооружения Египта построены из такого же кирпича в хорошо известном ступенчатом месопотамском стиле. Даже когда египтяне начали разрабатывать свои прекрасные каменоломни, они ре-

зали камни по образцу кирпичей.

Почему мы не считаем эти вещи египетскими? Потому что все они (а кроме тех, которые мы упомянули, есть и другие) в Египте быстро исчезают и заменяются вещами, изготовленными уже по-египетски. В каменной архитектуре начинают применять монолитные блоки, которые можно видеть в пирамидах Гизы, цилиндрические печати сменяются штампами в форме скарабеев. И разумеется, письменность совсем не похожа. Предметы, рисунки которых стали основой иероглифической письменности, – это египетские предметы.

Печати – цилиндрическая и в форме скарабея
Слева – сами печати, *справа* – оттиски

Очевидно, в Египте мы видим не простое копирование, но это также не является и независимым творчеством. Американский культуролог А.Л. Крёбер предложил называть такой тип заимствований стимулирующей диффузией. Люди могут заимствовать мысль о производстве чего-либо из другой культуры, но способ производства может оказаться их собственным. Египтяне не копировали шумерскую письмен-

ность: они нуждались только в великой идее записи устного слова. Очевидно, что заимствующая культура – в нашем случае египетская – должна достичь стадии развития, на которой новая концепция понятна и соблазнительна. В рамках нашей аналогии необходимы уклон и толчок, чтобы телега поехала; стимул не будет воспринят, если обстоятельства неблагоприятны.

Не все ученые принимают стимулирующую диффузию в качестве объяснения возникновения цивилизации в Египте. Некоторые верят в некую династическую расу, которая вступила в Египет в конце додинастического периода, принесла дары цивилизации с собой. Представители этой расы объединили страну и, подобно норманнам в Англии, правили покоренными туземцами как расово чуждый благородный класс, пока смешанные браки и контакты не создали единый народ. Династическая раса пришла из Азии – немалая территория, но точнее суммировать противоречивые гипотезы ее происхождения невозможно. Пришельцы говорили на одном из семитических языков, который, смешавшись с хамитским (африканским) языком туземцев, произвел египетский язык.

Мы предубеждены против слова «раса». Антропологи используют его для разграничения некоторых групп человеческих существ в терминах несущественных различий, цвета кожи, строения волос, формы черепа и т. п. Специалисты по физической антропологии могут не соглашаться относительно четких группировок людей по этим критериям, но я со-

мневаюсь, что кто-либо из них назовет типы скелетов додинастического периода различными расами. Новые продукты, новые изобретения могут быть или не быть дарами новой этнической группы, но не новой расы. Слово не имеет никакой ценности в применении к лингвистическим и культурным группам, говорить о семитской расе не принято даже в популярных текстах.

Даже если мы отбросим оскорбительный термин «раса», у нас останутся лишь очень скудные свидетельства существования династических сверхлюдей. Некоторые ученые, изучавшие додинастические скелеты, говорят, что их можно классифицировать по различным подтипам – круглоголовые, длинноголовые и так далее, но, даже если различия значительны, нам не дано знать, кто были эти люди, откуда они пришли или – самое важное – что они сделали. Египетский язык состоит из семитских (азиатских) и хамитских (африканских) элементов, но мы не знаем, ни когда были внесены семитские элементы, ни кем они были внесены – завоевателями, иммигрантами или торговцами.

Итак, дискуссия оказалась незавершенной, вместо ответов возникли новые вопросы. Но таков уж предмет доисторической археологии, когда она выходит за рамки простого каталогизирования костей и керамики. Вопросы, поднятые в дискуссии, – важные вопросы. Если ответы когда-либо будут получены, мы узнаем многое не только о Египте, но о человеческих существах вообще. Проблема является универ-

сальной по охвату, и ответы говорят о самом человечестве.

3. НОСИТЕЛЬ ДВОЙНОЙ КОРОНЫ

Итак, мы достигли порога исторической эпохи Египта и собираемся иметь дело с более конкретными фактами, чем те, которыми слабодатированные культуры додинастического периода могли нас снабдить. Начало цивилизации в Египте отмечено достойным внимания событием – объединением страны в единую нацию, границы которой простирались от моря на севере до первого асуанского порога на юге. О политической организации, которая предшествовала консолидации, известно очень мало. Мы допускаем, что мелкие племенные группы ранней додинастической эпохи постепенно сливались и формировали более крупные социальные и политические группировки. Одно время Египет мог состоять из нескольких дюжин таких мелких государств под управлением местных князьков или вождей. Через завоевания, браки и прочие приемы империализма мелкие группы в конце концов объединились в два значительных по размеру царства. Каждое царство имело собственный набор символов и знаков высшей власти – инсигний, собственных богов и богинь-защитниц. Царь Верхнего Египта носил особую белую корону, царь Нижнего Египта – красную корону.

Это краткое описание двух великих додинастических царств основано почти целиком на свидетельствах, почерп-

нутых из более поздних периодов. Налицо загадочный и неожиданный факт: пока не было обнаружено ни одной могилы, которая могла бы принадлежать додинастическому царю Севера или Юга. Большинство додинастических захоронений носит скромный характер; некоторые – немного богаче прочих, некоторые – немного беднее, но ни одно не кажется достаточно богатым, чтобы быть захоронением царя или вождя. На основе археологических остатков мы могли бы предположить, что единое сложное государство внезапно выпрыгнуло на свет из мешанины поселений, каждое из которых было создано в соответствии с мечтой анархиста о социалистическом рае. Я подозреваю, что здесь имеет место один из многочисленных разрывов, с которыми мы столкнемся в нашем обзоре египетской истории, – разрывом, который в данном случае шириной в целый каньон.

Мы знаем, что на Юге цари были, ибо один из них стал объединителем, который завоевал Север и сделался первым царем обеих египетских земель. Мы знаем его имя, первое личное имя в истории Египта. Его звали Менес.

Долгое время историки были склонны к тому, чтобы поместить Менеса среди героев туманных легенд, в одной компании с Роландом и королем Артуром. Традиция действительно называет его объединителем, но традиция, как знают ученые, девица лукавая и подходить к ней надо с осторожностью. Археологические свидетельства подтверждают допущение, что завоевание действительно имело место и было

предпринято царем Юга, но имя завоевателя долго казалось сомнительным. Неясно было даже, мог ли один-единственный царь претендовать на эти деяния.

Палетка Нармера

Лицевая сторона шиферной пластины. Каирский музей

Мы знаем о завоевании и о царе-завоевателе из ряда резных каменных объектов, датирующихся концом додинастического периода: наверший жезлов, рукояток ножей, сланцевых пластин (палетки). Самый полезный из них объект – это палетка Нармера в Каирском музее. Каменные пластинки часто встречаются в додинастических могилах; ими пользовались для растирания косметики. Со временем они становились больше, и их поверхность сделалась основой для рельефов. Палетка Нармера показывает нам причудливого маленького царя в короткой юбке и в белой короне Юга. Царь хладнокровно готовится трахнуть коленопреклоненного пленника булавой по голове. Над пленником любопытный символ, показывающий сокола (означающего царя) над побежденной Дельтой. Позади хищной фигуры царя – крошечная фигурка его сандаленосца (размеры фигур на египетских рельефах указывали на относительную важность, а не на реальные измерения). Наверху, между двумя головами богини Хатор, помещены знаки царского имени – Нармер. На оборотной стороне палетки Нармер, все еще со своим верным сандаленосцем, показан в красной короне Севера.

Не требуется слишком богатого воображения, чтобы интерпретировать рельефы на палетке как сцены завоевания Севера Югом. Царь Нармер, следовательно, является веро-

ятым кандидатом на титул объединителя.

А как же Менес, кандидат традиции? Некоторые ученые не прочь отождествить его с царем Нармером. Уравнение Менес = Нармер подкупает своей логичностью. 1. На палетке Нармер показан победителем народов Дельты и с двумя коронами. 2. Следовательно, Нармер объединил страну. 3. Традиция говорит, что Менес объединил страну. 4. Менес и есть Нармер, что и требовалось доказать.

До сих пор с этими аргументами все в порядке. Египетские цари имели больше одного имени, и Менес мог называть себя Нармером, если хотел. Однако есть и другое уравнение, в котором смысла побольше. Оно отождествляет Менеса с царем по имени Аха, гробница которого найдена.

Среди предметов, которые археологи относят к эпохе I династии, есть маленькие ярлычки из слоновой кости и дерева, незначительные по виду, но очень важные, ибо несут на себе древнейшие образчики египетских надписей. К несчастью, мы не можем прочесть все значки; они крайне примитивны, и не все из них можно отождествить с иероглифическими символами позднейших периодов. Ученые постепенно расшифровывают эти надписи, и мы можем сделать некоторые выводы касательно имен и титулов данного периода.

Полное титулование египетского царя было разработано намного позже. В своей окончательной форме оно состояло из пяти титулов и пяти имен; два из имен были окружены овалами (так называемыми картушами), которые использо-

вались только царями и царицами. Полная пятичленная титулатура занимала в надписи массу места, и цари обычно использовали лишь одно или два из своих имен и титулов. При первых двух династиях титул имел всего три элемента; самым популярным было имя Гора, которое писалось не в картуше, а в прямоугольной рамке серех, представлявшей собой упрощенное изображение фасада царского дворца. На крыше дворца сидел Гор, бог-сокол, который отождествлялся с царем, и его фигура читалась как титул: Гор такой-то и такой-то (как царь такой-то и такой-то).

Аха – это имя Гора одного из царей I династии, оно было найдено на многих ярлычках. В ходе раскопок гробницы матери Аха, царицы Мернейт, в месте под названием Негада, был найден фрагмент из слоновой кости, на котором было написано царское имя Гора и рядом с ним другое имя – Мен. Речь явно шла не о двух разных царях, ибо имя Мен было написано под так называемым титулом Небти, точно так же, как имя Аха было написано под титулом Гора. Слово «Небти» означает «две владычицы» и относится к двум великим богиням Севера и Юга, логически его может носить только царь обеих областей. Но еще более важно то, что Мен и Аха должны быть именами одного и того же царя.

Археолог Джон Гарстенг, который раскапывал гробницу, пришел в такое возбуждение при виде сломанного ярлычка, что перерыл всю гробницу в поисках недостающего кусочка. Вообразите, что историк Англии нашел камень с надписью

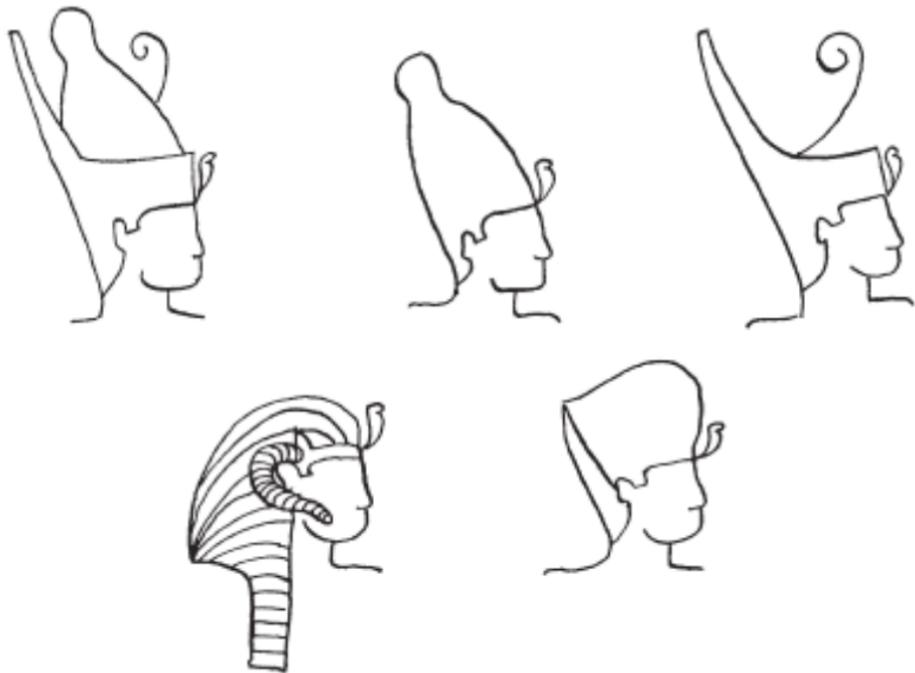
«Arthurus Rex» («Король Артур») в руинах Корнуолльского замка! И Гарстенгу удалось избежать обычной участи археологов при поисках иголки в стоге сена: он нашел-таки недостающие фрагменты, и оба имени и титула там действительно были.

Большинство ученых полагают, что оба имени принадлежат одному человеку, и верят, что ярлык из Негады несет на себе единственное современное упоминание имени сказочного Менеса. Я думаю так тоже, чего бы ни стоило мое мнение. Самый вероятный вывод состоит в том, что Нармер, который отождествляется с Менесом только предположительно, начал объединительную войну, которую завершил его сын, Гор Аха («Торжествующий Сокол») Менес («Утвердившийся»).

Проверив традицию хотя бы в одном отношении, мы можем вернуться к этому источнику для дальнейшей информации о Менесе-завоевателе. Предполагается, что он построил новую столицу в Мемфисе, недалеко от современного Каира. Это была граница между Дельтой и долиной Нила, и место было выбрано с умом. Менес был, вероятно, не только великим воителем, но и искушенным политиком; вместо того чтобы подавлять завоеванный Север, он принял его инсигнии – символы власти, его богов и его обычаи – не говоря о его женщинах, ибо есть основания полагать, что либо его мать, либо жена была принцессой из Дельты. От Менеса и далее параллелизм, основанный на понятии о Двух

Землях, становится фундаментальным аспектом египетской мысли. Царь носит две короны (внешний вид их комбинации убедительно показывает, что их объединили не по эстетическим причинам). Он называет себя царем Верхнего и Нижнего Египта и господином Двух Земель, его защищают две богини. Если Менес принял эту процедуру умышленно, мы можем видеть, почему он преуспел там, где другие, вероятно, потерпели неудачу (ибо есть рассказы о додинастическом союзе двух регионов, который оказался только временным). Политический прием оказался полезным для многих более поздних завоевателей.

В археологических кругах часто жалуется: «Не хватает материала!» Действительно, мы знаем о Менесе немного, но больше, чем можно было бы ожидать, имея дело с легендарным персонажем. Двигаясь дальше, мы столкнемся с таким редким в археологии явлением, как «горе от богатства». В манере «Записок о Шерлоке Холмсе» его можно было бы назвать запутанной проблемой двойных гробниц.

Царские короны Египта

Слева направо, верхний ряд: двойная корона, белая корона, красная корона;

нижний ряд: головной убор *немес*; синяя или боевая корона

В 200 милях к северу от Луксора лежит очень древний священный город Осириса, бога мертвых. Он назывался Абидос, и его глубоко чтили все цари Египта. До того как там поселился Осирис, он был святилищем другого, еще более древнего бога смерти. Паломники со всего Египта стреми-

лись сюда, чтобы их кости были похоронены в освященной земле, чтобы добиться большего почета в грядущем мире. Там находилась гробница самого Осириса, и ее точное местоположение было хорошо известно благочестивым египтянам.

Когда археологи начали раскопки в Абидосе, они не ожидали найти Осириса, и действительно не нашли. Но нашли они нечто почти столь же неожиданное – гробницы царей и цариц I династии, включая гробницу царя Аха. Ученые, вероятно, должны были чувствовать не меньший трепет, чем при находке гробницы самого Осириса. Эти монархи пришли из столь отдаленного прошлого, что даже имена их были забыты.

Одним из первых археологов, проводивших раскопки в Абидосе, был – правильно! – Уильям Флиндерс Питри. Он с трудом получил разрешение на раскопки в данном месте, ибо вначале Департамент древностей выдал концессию другому археологу, французу по имени Амелино. В наши дни считается хорошим тоном снимать шляпу перед ранними археологами, если не за их методы, то за их намерения, но в адрес Амелино трудно говорить комплименты. Он доводил Питри до безумия. По правде сказать, Питри доводило до безумия большинство людей, ибо немногие из них соответствовали его высоким стандартам, а он плохо переносил дураков. В случае с Амелино мы можем пожалеть Питри, ибо после того, как француз разгромил Абидос, Питри достались

одни осколки. Амелино, разумеется, забрал все интересные вещи, которые нашел, не потрудившись – к ярости Питри – даже записать, где они были найдены. Он также безжалостно разрушил большую часть материалов, которые не мог унести. Однако именно в Абидосе Питри появляется во всей славе своей. Его публикация до сих пор считается образцовой работой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.